

— Ну, ну.

— Приводит слова Хрущева: «Я знаю, каким героем он был. Я видел его, когда он был парализован от страха перед Гитлером, как кролик, загипнотизированный удавом».

— Ну конечно, он переживал, но на кролика не похож, конечно. Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. Но всем было очень трудно, а ему особенно.

— Якобы был у него Берия, и Сталин сказал: «Все потеряно, я сдаюсь».

— Не так. Трудно сказать, 22-го или 23-го это было, такое время, когда сливался один день с другим. «Я сдаюсь» — таких слов я не слышал. И считаю их маловероятными.

— Авторханов пишет о Евгении Аллилуевой, тетке Светланы, которая пришла к Сталину в августе 1941 года и была поражена его паническим настроением.

— Нет, тогда он уже оправился. Когда он стал министром военным? 30 июня?

— «Формально Верховным был Сталин, фактически — его замы, по армии — Жуков, по войскам НКВД — Берия». Ну как?

— Так нельзя сказать.

— «Политически ставка находилась в руках Берии и Маленкова».

— По-моему, так тоже нельзя сказать.

— Он пишет об интригах Жданова против Маленкова и Жукова, о том, что Жуков был протезе Маленкова...

— В какой-то мере, Маленков поддерживал его. Сказать, что протезе, не подходит, по-моему. <...>

И. Г. ЭРЕНБУРГ

Война

<Избранные очерки>

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

С негодованием, с гневом узнали мы о разбойном нападении германских фашистов на наши советские города. Не словами

ответит наш народ врагу. Игрок зарвался. Его ждет неизбежная гибель.

Германские фашисты подчинили своему игу много стран. Я видел, как пал Париж, — он пал не потому, что были непобедимы немцы. Он пал потому, что Францию разъяли измена и малодушие. Правящая головка предала французский народ. Но там, где солдаты, брошенные всеми, вопреки воле командования, оказывали сопротивление, немецкие фашисты топтались перед ничтожными отрядами защитников. Население небольшого города Тура и два батальона трое суток защищали город от основных сил германской армии.

Советский народ един, сплочен, он защищает родину, честь, свободу, и здесь не удастся фашистам их низкая и темная игра.

Они разгромили свободолюбивую, веселую Францию, они поработили братские нам народы — высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков. Они угнетают норвежцев, датчан, бельгийцев. Я был в разоренных немцами странах. Повсюду я видел горящие гневом глаза, — люди ненавидят разбойников, которые разграбили их страны, убивают их детей, уничтожают их культуру, язык, традиции. Они только ждут минуты, когда зашатается разбойная империя Гитлера, чтобы подняться все как один против своих поработителей. У советского народа есть верные союзники — это народы всех поработенных стран — парижские рабочие и сербские крестьяне, рыбаки Норвегии и жители древней Праги, измученные сыновья окровавленной палачами Варшавы. Все народы с нами. Как на освободительницу они смотрят на Красную Армию. В оккупированных фашистами странах уже зимой начались партизанские бои — смельчаки не могли больше выдержать неслыханного ига. В ноябре парижские студенты вышли на улицу с револьверами. Норвежцы по ночам истребляли отряды фашистов, поляки уходили в леса и оттуда совершали налеты на фашистских оккупантов. В Чехии рабочие ломали станки: «Ни одного снаряда для немецких фашистов». Теперь на них пойдут не тысячи смельчаков, но миллионы — народы Европы. Судьбе зазнавшегося фашистского палача пришел конец.

На стенах древнего Парижа в дни немецкой оккупации я часто видел надписи: «Гитлер начал войну, Сталин ее кончит». Не мы хотели этой войны. Не мы перед ней отступим. Фашисты

начали войну. Мы ее кончим — победой труда и свободы. Война — тяжелое, суровое дело, но наши сердца закалены. Мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим неразумным народам. Мы знаем, как он останавливается, когда видит достойный отпор. Мы не дрогнем, не отступим. Высокая судьба выпала на нашу долю — защитить нашу страну, наших детей и спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики, станет освободительной войной поработченной Европы.

22 июня 1941 г.

3 ИЮЛЯ 1941 года

Стоят невыносимо жаркие дни. Люди одеты по-летнему, и Москва кажется большой дачей. Днем можно забыть о войне. На Пушкинской площади, как всегда, продают цветы. Напротив Кремля есть кафе с террасой: красноармейцы, девушки, служащие в майках с портфелями едят мороженое.

У домашних хозяек много новых забот: затемняют дома, оклеивают оконные стекла матерчатыми полосками. Повсюду занятия противовоздушной обороны. Почтенные мамы учатся тушить зажигательные бомбы, которые молоденькие инструкторы сокращенно и презрительно называют «забами».

Вечером в переулках все сидят или стоят возле домов: обсуждают различные слухи. А слухов много: дурных и хороших. Один рассказывает, что Красная Армия подошла к Варшаве, другой, что немцы возле Москвы.

Многие москвичи просыпаются с петухами: хотят поскорее услышать военную сводку, ее передают в шесть часов утра.

В школах — на призывных пунктах — молчаливые, серьезные люди. Вокруг школ — женщины: матери, жены; на войну уходят без бравады и без страха. Поражает ранняя суровость на молодых, еще не затвердевших лицах.

Отдельные командиры, приезжающие на несколько часов с фронта, рассказывают о драме пограничных гарнизонов. Немцы напали исподтишка. Была ночь на воскресенье. В клубах танцевали.

Наши части оказывают ожесточенное сопротивление, но немцы продвигаются вперед. Все дороги загромождены бежен-

цами. Еще не обстрелянные бойцы с тоской говорят о немецких танках.

Возле редакции «Известий» — большая карта театра военных действий. Стоят люди, смотрят и молчат. Где сейчас немцы?.. В сводке сказано: «превосходящие силы противника»...

Москва еще не понимает опасности. Здесь все смешалось: и уверенность в победе, и беспечность, сила и слабость.

Телефонный звонок разбудил меня в 4 часа утра: вызвала редакция — «слушайте радио». Я догадался, кто будет говорить. Речь Сталина потрясла всех. Она была глубоко человеческой. Каждый почувствовал, что Сталин обращается именно к нему, с первой же фразы: «К вам обращаюсь я, друзья мои!» Сталин сказал об опасности: нужны большие жертвы и большое мужество.

21 ИЮНЯ 1942 года

Это было год тому назад. Короткая июньская ночь казалась Москве обычной. Люди, засыпая, мечтали о летних каникулах, о горах Кавказа или о голубом море Крыма. Это была ночь на воскресенье, в клубах молодежь танцевала. На подмосковных дачах, среди сирени и жасмина, влюбленные тихо говорили о том, о чем говорят влюбленные всех стран и всех времен. Москва поздно проснулась.

Люди завтракали, когда в густой медовый полдень лета вмешался взволнованный голос диктора. Мы узнали, какой ночью была та ночь. Мы узнали, как немецкие бомбардировщики налетели на залитые светом города, как ползли гитлеровцы среди высокой, некошенной травы. Война... Это слово прозвучало, как труба архангела. Прошел год. Это слово стало жизнью.

Помню зимний вьюжный день. На стене висел плакат: «Что ты сделал для победы?» К стене подошел человек в солдатской шинели. Мне показалось, что он разглядывает плакат. Я подошел ближе и увидел, что у человека нет глаз: свои глаза он отдал победе. Почему передо мной сейчас эта черная повязка среди серебряного снега? Я хочу сказать английским друзьям о самом простом — о наших жертвах.

Все знают, как был взорван Днепрогэс. Об этом писали газеты всего мира. Изба крестьянки Прасковьи Филипповны была

обыкновенной избой. Нужно ли говорить о привязанности крестьян к своему дому? Это было недавно в небольшом селе Ленинградской области. По размытой дождем дороге подошел к околице отряд партизан. И Прасковья Филипповна, выбежав навстречу партизанам, закричала: «Скорей сюда! Вот мой дом. В нем спят четырнадцать фашистов. Не жалейте дом — жгите, кидайте гранаты!»

Сколько домов сожгли наши люди, чтобы дома не достались немцам? В сухие знойные дни люди жгли как спички свои дома и свое добро. А что не сожгли хозяева, сожгли потом гитлеровцы. Пожар был прежде катастрофой, божьим гневом народных легенд. В этот год пепел стал бытом, и под пеплом поседела Россия. Но у нее молодые глаза и молодое сердце.

Человек, привыкший сызмальства к избытку, не знает цены вещам. Новая Россия родилась в годы разрухи. Богатство прежде было достоянием немногих. Нельзя говорить о домах Кузнецка, не напомнив, что в России накануне революции еще были курные избы — без труб. Крестьяне ходили в лаптях. Миллионы и миллионы неграмотных вместо подписи покорно ставили крестики. Легко понять, как дорожила Советская Россия началом достатка. Посаженные деревья только-только начинали приносить плоды, когда нагрянул враг. Мы уничтожали не просто добро — мы уничтожали добро, оплаченное героическим трудом, жертвами целого поколения. В Витебске горели склады сукна. Крым дышал запахом пороха и муската: старое вино впитала сухая земля.

Люди жертвовали всем.

Прошлым летом и осенью Россия кочевала. Кто видел эти караваны беженцев, никогда их не забудет. Люди молча уходили на восток. Шли украинские крестьяне, шли старые евреи из Белоруссии, шли актрисы по вязкой грязи дорог на высоких каблучках... Уходили за Волгу вагоны с машинами. Переезжали заводы. Переезжали города. Сложные станки оказывались в степи среди снега. Камерный театр, один из самых изысканных театров мира, ставил спектакли в пустыне возле Аральского моря. Ученые дописывали книги в теплушках. Киевляне распылились среди сел Средней Азии. Башкирия приютила школы Одессы.

Сколько скрыто за этими словами горя, разъединенных семей, суровой жизни на бивуаках, самоотверженного труда!

Враг уничтожал самое дорогое русскому сердцу. Немецкие бомбы искалечили северную Флоренцию — Новгород. Немецкие орудия калечат дворцы Ленинграда. Старые усадьбы и церкви, музеи и школы сожжены немцами.

Гитлеровцы хотят умертвить самосознание русского народа, заставить его забыть свою историю: они уничтожают наши реликвии — от дома в Ясной Поляне до Бородинского музея. Они оскорбляют нас, превратив Одессу в захолустный румынский город и посадив наместником в Остланде балтийского проходимца Розенберга.

На Западе гитлеровцы расстреливают, у нас они вешают. В Пушкине (так называется теперь Царское Село) в аллее, которую когда-то любил начинающий поэт, лицеист Пушкин, зимой висели русские люди, повешенные немцами. Я видел виселицу Волоколамска, я хочу забыть про нее — с такими воспоминаниями трудно жить, и я не могу забыть. Женщины в освобожденных селах бессвязно рассказывали мне, как у них на глазах убивали детей. Я ехал с товарищем по проселочной дороге. Товарищ вдруг сказал мне: «Не смотрите». Я посмотрел: возле обочины лежал труп женщины, одна грудь была отрезана. Мы пережили и это...

Вокруг меня семьи со страшным зиянием: убит муж, сын, брат. Это никогда не зарастет. Так лет десять вокруг Вердена не росла трава: был снесен верхний покров земли.

Женщины работают. У них сухие глаза. Ни одна вам не скажет о своем горе. А горе это простое и непоправимое: ее Вася или Петя убит.

В этом горе сблизилась люди всех языков. Я был на фронте, когда в роту пришло письмо от семидесятилетнего еврея Мордуха Шлемовича. Его сын, веселый и смелый Лейб Шлемович, был убит в начале мая — он гранатой подбил танк и пошел на второй, но здесь его убили. Старик писал: «Мне 70 лет. Возраст и здоровье не позволяют мне быть в рядах бойцов, но я горжусь, что мой Лейб, как и старшие мои сыновья, сражается в рядах Красной Армии. Если мой сын здоров, то мне, как отцу, хотелось бы поддерживать с ним письменную связь. Но вот уже месяц, как я не получаю от него известий. Если же мой сын погиб в бою, то моя обязанность передать его двухлетнему ребенку любовь к родине и ненависть к фашизму, с которыми Лейб

уходил на фронт. Прошу сообщить мне о моем сыне». Бойцы молча выслушали письмо, ничего не сказали. Но в тот же вечер шесть писем было написано старику. Русский ефрейтор Грачев писал: «Ваш сын умер как герой, и я хочу обнять вас и сказать вам спасибо от нашей роты и от нашей родины, что вы вырастили такого человека». А грузин Ираклий Мурадели написал трогательно, по-своему: «Кончится война — поедem жить к нам, в горы. У нас хорошо, будешь родным человеком».

Нет жертв, перед которыми остановилась бы Россия, чтобы отстоять свою свободу. Прекрасен был День флага Объединенных Наций. Но как не напомнить, что в этот день флаг свободы развевался над истерзанным Севастополем, где люди в крошечном аду отбивались от десяти немецких дивизий и пятисот немецких самолетов? Как не напомнить о судьбе Ленинграда, пережившего жестокую зиму, об испытании голодом и холодом, о снаряде, падающем на детские дома, о великом городе Пушкина, Гоголя, Достоевского, который финские наемники, прикидывающиеся «борцами за независимость маленьких наций», клянутся снести с лица земли — немецкими снарядами?

Год жертв. Год испытаний. Сегодня я был на заседании Верховного Совета. Я видел Сталина. Решимость в его глазах, уверенность в победе и боль за родной народ, за страну. Приехали делегаты отовсюду. Среди них много людей, которых я знаю. Они изменились — за сколько десятилетий будет зачтен один такой год? Но никогда Россия не была еще такой крепкой, как теперь: испытания ее закалили.

Воюет поколение, твердо верившее в дружбу народов. Воюют люди, в свое время с волнением читавшие роман Ремарка, болевшие за лишения немецкого народа. Нелегко им было понять, кто перед ними. Не в нравах нашего народа ненавидеть противника. Наши молодые бойцы сначала верили, что перед ними обманутые люди, которые прозреют от первой листовки. Год войны все изменил. Ненависть, как уголь, жжет сердце каждого русского. Недавно в трамвае ехал боец-снайпер. Товарищ сказал про него: «Он застрелил 70 фашистов». И тогда старая женщина, вся седенькая, морщинистая, подошла к снайперу и с необычайной человеческой лаской сказала: «Спасибо!»

Конечно, наши люди и до войны были патриотами. Но нелегко человеку понять, что такое воздух, — для этого его нужно кинуть в глубокую шахту. Русский народ не знал национального гнета, никто никогда не унижал русского за то, что он русский. Гитлеровцы помогли нашему народу осознать до конца, что такое национальное достоинство, что такое взыскательный, всепоглощающий патриотизм. Вся Россия теперь идет на Гитлера, и, если этот сумасшедший честолюбец способен задуматься, он должен устраситься совершенного: он пробудил роковую для него силу.

Жизнь до войны была трудной и легкой: трудной, потому что приходилось преодолевать бедность и техническую отсталость старой России, легкой, потому что все дороги были открыты любому юноше. Я помню, как лет восемь тому назад подростки, кончившие среднюю школу, говорили мне о своей детской «драме»: кем стать — инженером, летчиком, писателем? Люди, которым теперь 20–25 лет, были неженками. Отцы говорили: «Мы выстрадали для них жизнь, пусть живут». Молодым не приходилось прокладывать путь, они шли по годам, как по шоссе. Не человек искал работу, работа искала человека. Прошел год. Наши юноши стали суровыми солдатами. Они идут с бутылками на танки и таранят вражеские самолеты.

Мы многое потеряли за этот год: мир, уют, близких. Мы многое за этот год обрели: ясность мысли, плодотворную ненависть, огонь патриотизма, завершенность, зрелость каждого человека.

Россия в гимнастерке, обветренная, обстрелянная — это все та же бессмертная Россия и это новая Россия: она заглянула в глаза победе.

Прошел год с той июньской ночи. Мы были одни. Мы выдержали на себе весь удар германской армии. Мы дали возможность англичанам собраться с силами, достроить армию, усилить военное производство. Вся наша эпопея от подвига Гастелло до обороны Севастополя позволила Америке продумать мировую трагедию, продумать ее в еще не затемненных городах и послать через океан те транспорты, которые завтра станут вторым фронтом. Все наши жертвы, от развалин Новгорода до осиротевшего дома колхозницы Марии Сундуковой, потеряв-

шей на войне семерых сыновей, позволили англичанам готовить операции на континенте тщательно, во всех деталях.

Немецкие плоты, угрожавшие Англии, теперь на Азовском море. Прошел год. Мы выстояли. Мы ждем боевых друзей.

ЗА ЧЕЛОВЕКА

Затишье между боями способствует раздумью. Неутолима жажда человека понять свое время, взглянуть с высоты на лихорадочную пестроту дней, осознать смысл происходящего. Когда стоишь возле русского города, занятого немцами, когда в ночи душу томят видения виселиц или шум ветра, похожий на человеческий стон, не спрашиваешь себя, зачем ты воюешь. Война давно перестала быть загадкой для ума, она стала делом совести. Однако человек продолжает думать. Он догадывается, что его судьба шире и глубже освобождения ближнего города, шире и глубже спасения товарищей по роте. Он, может быть, еще не осознал до конца, но он уже почувствовал свое историческое назначение.

Недавно некоторые литераторы меня упрекнули в чересчур легкомысленной и пренебрежительной оценке наших противников: как можно при виде мощной германской армии писать о «фрицах-блудодеях» или о «мото-мех-мешочниках»? Дело, конечно, не в моих статьях, а в подходе к существу современной Германии, следовательно, в понимании смысла нашей войны.

Все знают, насколько опасно недооценивать противника. В преувеличении своей силы, в пренебрежении к силе врага всегда чувствуется внутренняя неуверенность. Чванство — это внутренняя слабость: человек, по существу растерянный, криками «я первый, я умнейший, я сильнейший» пытается подбодрить себя. Подлинная сила связана со скромностью. «Шапками закидаем» обычно кричат, когда нет гранат. А когда есть гранаты, о шапках не думают: молча кидают гранаты. Были, конечно, и среди нас наивные люди, в первые дни войны не понимавшие опасности. Германия напала на нас после длительной и тщательной подготовки. Внезапность удара давала преимущество врагу. Материальная часть немецкой армии в 1941 году была количественно сильнее нашей. Иные слепцы тогда

жили чрезмерно оптимистическими слухами. Армия на себе испытала всю силу первых вражеских ударов. В июльское утро твердый, но полный глубоко человеческого волнения голос полководца сказал стране об угрозе. Мы знаем, кого мы остановили под Москвой: завоевателей десяти европейских государств. Год тому назад мы присутствовали при возрождении многих иллюзий: в далеком тылу не знали, как трудно было освободить маленькие города Юхнов или Сухиничи. Находились люди по существу нестойкие, которые полагали, что Германия уже разбита. Для них прошлогоднее наступление немцев было неожиданным. Фронт знал, что германская армия еще сильна. Сталинград был грозным поединком, и если Сталинград закончился поражением немцев, то отнюдь не потому, что у Гитлера было мало самолетов, минометов или резервов. Сталинград означал торжество моральных качеств наших солдат и зоркости нашего командования. Если имелись у нас люди, принявшие первую главу за последнюю, слова Верховного Главнокомандующего, написанные в дни наших больших успехов, должны были их образумить: Сталин вновь напомнил армии и народу, что противник еще силен.

Нет, мы не преуменьшали и не преуменьшаем силы врага. Нас не успокаивают различные ефрейторы или фельдфебели, которые в плену, начиная с 23 июня 1941 года и по сей день, неизменно бьют себя в грудь, вопя о гибели Гитлера. Мы знаем, что эти меланхолики не пойдут снова в атаку только потому, что находятся под надежной охраной. Из немцев мы доверяем только мертвым. Мы знаем, что 6-я армия перестала нам угрожать. Но мы не верим в «прозрение» немцев, зимой убегавших на запад. Если они ушли живыми, они могут завтра пойти в очередную атаку. Расшатавшая ударами, обескровленная, германская армия еще сильна. Если мы зимой освободили от немцев территорию, во много раз превосходящую Тунис, то не потому, что Воронеж, Ростов или Курск были менее укреплены, нежели Бизерта, а потому, что германскую силу сломила наша воля.

Почему же мы смотрим на немцев свысока? Почему даже в дни нашего отступления мы не могли увидеть в них ни высших, ни равных? Почему мы с улыбкой пренебрежения говорим о фрицах-блудодоях или о мото-мех-мешочниках? Может быть, в этом сказывается желание очернить, принизить любого вра-

га? Нет, это не в наших нравах. Когда Карл XII, а впоследствии Наполеон вторглись в нашу страну, русские их ненавидели, но не презирали. Наше презрение к немцам происходит не оттого, что они наши враги, а оттого, что мы увидели их низкую сущность. Назвать немца зверем — это значит украсить немца. Нет зверей, способных совершить то, что совершили гитлеровцы в Вязме или в Гжатске. Только машины, автоматы, роботы способны на столь бесчеловечные действия. Мы воюем не против людей с более или менее развитым интеллектом, но против своеобразных машин, восставших на человека.

Автоматы, они хотят превратить и другие народы в подсобные части машин. В переброске миллионов людей из Украины в Норвегию, из Эльзаса в Белоруссию, из Сербии в Польшу, из Польши в Финляндию сказывается все то же механическое начало. Для Гитлера люди — это рабы с бирками на шее, тягловая сила, винтики немецкой машины.

Строя новое общество в технически отсталой стране, мы, естественно, увлекались машинами. Для нас стройка заводов была торжественным делом. Наши строители с гордостью говорили: «Домна Ивановна дышит» или «Дядя Мартын зашевелился». Но никому из нас не приходило в голову заменить человека автоматом. Мы знали, что грудной младенец сложнее и выше самого усовершенствованного механизма. Токарный или фрезерный станки не могут быть добрыми или злыми. В руках честных людей они являются источниками благоденствия; в руках гангстеров они становятся инструментами насилия и зла. Называя гитлеровцев машинами, я не хочу сравнить палача с прессом или станком. Гитлеровцы — автоматы, но со злой волей, с жадностью, с чванством. Узнав теперь немцев, мы не обратим нашего гнева на машины: мы не спутаем виновников злодеяния. Мы будем бережно относиться к хозяйственному инвентарю нашей страны. Мы отстроим трижды нам дорогие заводы Сталинграда. Но за двадцать месяцев войны мы еще острее почувствовали роль человека, его сложность, его высоту.

Наша война, оставаясь защитой родной земли, приобретает всемирное историческое значение: мы защищаем человека от взбесившихся машин. Если бы Германия вышла победительницей — это означало бы конец всей человеческой культуры, конец дерзаний и страстей, конец прогресса, конец искусства и

любви. Немцы все заменили бы автоматами. Защищая родное село — Русский Брод, Успенку или Тарасовку, воины Красной Армии одновременно защищают «мыслящий тростник», гений Пушкина, Шекспира, Гете, Гюго, Сервантеса, Данте, пламя Прометея, путь Галилея и Коперника, Ньютона и Дарвина, многообразие, глубину, полноту человека. Вот почему с таким волнением следят за малейшими боевыми эпизодами на Кубани или у Ильменя все умы человечества, все сердца пяти частей света. Под угрозой поставлена не та или иная страна, не тот или иной строй, не те или иные идеи, под угрозой поставлен человек, его душевные богатства, его рост, его достоинство.

Все знают, как много нам стоили двадцать месяцев беспримерных битв. Я говорю не о материальных потерях. Я знаю, как быстро наш талантливый и страстный народ отстроит разрушенные города. Я говорю о людях: о потере лучших, смелых, чистейших. Эти потери невозвратимы. Но есть у нас утешение: потеряв на войне много прекрасных людей, мы укрепили понятие человека. Может быть, внешне война и делает солдата грубее, но сердце под броней хранит нежнейшие чувства. Ожили в наши дни архаические, казалось, слова: добро, верность, благородство, вдохновение, самопожертвование — они отвечают нашим чувствам. В борьбе против немецких автоматов человек не только вырос, он возрос. В этом историческое значение нашей войны. Мы часто ее называем священной — лучше не скажешь: воистину священная война за человека.

24 апреля 1943 г.

ВЕСЫ ИСТОРИИ

Глядя на большое полотно, мы отходим на несколько шагов. Чтобы осознать историческое событие, нужно отдаление. Всего один год отделяет нас от эпилога сталинградского сражения. Мы еще не можем взглянуть на него глазами потомков, но мы уже различаем все величие этой небывалой битвы.

В каждой войне имелись сражения, заслонявшие другие и привлекавшие к себе внимание поколений; иногда, не будучи решающими, они предопределяли исход кампании, как Бородино или Верден. Значение Сталинграда глубже: это — патетический поединок между двумя несовместимыми мирами.

Один старый немец недавно написал своему сыну: «Когда забудутся все страдания этих лет, бомбардировки, потери близких, надежды, разочарования, твои дети все еще будут повторять одно название — Сталинград...»

Германия давно мечтала о господстве над миром; она впервые примерила императорскую мантию в 1871 году, когда прадеды теперешних фрицев пускали пробки шампанского в лепные потолки Версаля. Неудачи не смутили немцев, и 1918 год они отнесли к опискам истории. Завоевание Европы было поручено следующему поколению. Мир увидел невиданное: немцы карабкались на высочайшие горы, переплывали моря, набивали карманы государствами, как яблоками. Невежественный и духовно ничтожный человек, эрзац древнего варвара с усиками приказчика, философ из пивнушки, озлобленный неудачами дилетант не мог скрыть в Компьене своего восторга: он ведь знал только один способ, чтобы возвыситься, — унижать.

Тень свастики повисла над Лондоном. Немцы очутились в Африке. Они ринулись на Россию. Поражение под Москвой их рассердило, но не обескуражило: вместо фюрера они высекли природу. Они кричали: «Тридцать пять ниже нуля, но вот летом мы им покажем». Летом они действительно двинулись на восток. О таком походе не мечтали ни Ксеркс, ни Александр Македонский, ни императоры Рима, ни Наполеон. Шли ветераны четырнадцатого года и самодовольные юнцы, шли генералы с дюжиной крестов, строители Тодта, сельскохозяйственные фюреры, коменданты Астрахани, наместники Ирака, генерал-губернаторы Индии и Киргизии, любители икры, нефти и славы, эсэсовцы и гестаповцы, мастера душегубок и колонизаторы. Шли разноязычные ландскнехты: румыны, венгры, итальянцы, словаки. По степям двигались тяжелые танки, шестиствольные минометы, дары Круппа, Шкоды, Крезо, грузовики с французскими винами, с голландским сыром, с портретами фюрера, с картами Казахстана и Месопотамии. Они шли день и ночь. Они дошли до Сталинграда, и в Сталинграде они потеряли все. Писали, будто компьенский вагон, где Гитлер пережил всю сладость триумфа, сгорел в Берлине при воздушной бомбардировке. Нет, он сгорел много раньше — у Сталинграда, как Нарвик, как Фермопилы, как Крит, как все эфемерные победы Германии.

Бесконечно далеко от Берлина или от Франкфурта, в степях, где некогда бушевала казацкая вольница, где немецкие бюргеры, вместо герани, кегельбанов и такс, увидели полынь, пургу, верблюдов, где, как в сказке, вырос новый город, бесконечно длинный и как бы еще неосознанный, на берегу самой русской реки разыгралась величайшая битва. Здесь идея господства расы увидела перед собой живую стену, здесь дикий миф, воспетый Розенбергом, столкнулся с разумом, здесь решалась судьба не только России, но всей культуры — от Прометея и Афродиты до русской музыки и французской живописи.

Они пришли в эту степь: студенты из Гейдельберга, с лицами, иссеченными на дуэлях; завсегдатаи пивнушек «Берлинеркиндль», гордые тем, что могут проглотить тридцать кружек и тридцать городов; скотоводы из Померании, с фиолетовыми затылками, знающие назубок всех производителей рейха, равно почитающие своих арийских прабабушек и герефордских бугаев; стратеги из Мекленбург-Шверина, уверенные, что человечество — это гнилой зуб и что у них в кармане знаменитые «клещи»; генералы с «дубовыми листьями», с цитатами из Шлиффена, готовые скомандовать Волге «цурюк» и ветру «хальт»; сопляки из «гитлерюгенд», еще на горшке подымавшие вверх руку и пугавшие мамок криком «Зиг-гейль»; ефрейторы, не насытившиеся и человеческой кровью, и кровяными колбасами; гауптштурмфюреры, штурмбаннфюреры и унтершарфюреры. Они дошли до Волги. Они уже писали открытки: «Привет из Сталинграда». Они уже ликовали. Где они теперь?

Можно, конечно, говорить об ошибках германского командования, о глупом самодовольстве фюрера, о тупости его генералов, для которых живая жизнь — это буквы устава. Но мне хочется сказать одругом: о необычайной духовной силе наших бойцов. Сталинград был не только роковым поражением Германии, он был величайшим торжеством России.

Мы видим теперь, что осень 1942 года была кульминационным пунктом германского нашествия. Германия выдержала поражение под Москвой. Немецкие генералы учли силу Красной Армии, особенности территории и климата. В июле 1942 года Гитлер начал свое второе наступление. Сто дней немцы шли вперед. Это не были третьесортные фрицы, это были солдаты-завоеватели, привыкшие побеждать. Под Сталинградом они

натолкнулись на сопротивление, которое поразило их. Немецкие газеты тогда писали о «сумасшествии русских», которые умирают, но не отходят.

Передо мной письмо одного из защитников Сталинграда. Оно написано 16 сентября 1942 года. В нем есть такие строки: «Мне кажется, что мы погибнем здесь, я говорю о себе и о своих друзьях, но никогда прежде я не чувствовал так остро, что все это неважно, даже личная судьба и смерть. Вчера пришло пополнение, сибиряки. Какие это люди! Немцы, видимо, решились пройти во что бы то ни стало, такой музыки я еще не слышал. Но они не пройдут, это мы все знаем, а теперь вопрос в одном: удержать этот кусок земли, потому что если удержим — тогда немцам конец...» Это письмо писал девятнадцатилетний юноша. Он погиб как герой четыре дня спустя. Но то, о чем он мечтал в последние минуты, то, ради чего он пролил свою кровь, совершилось: защитники Сталинграда отстояли родину.

Душевные качества народа проверяются в дни испытаний. До Сталинграда мало кто понимал за границей, что такое Советская Россия. Чужестранцы говорили о нашей стране как о географическом понятии, как о загадочной лаборатории, где чудаки занимаются подозрительными опытами, как об окраине мира. Теперь многие из этих слепцов с упованием следят за продвижением Красной Армии. Кто же посмеет ограничить признание одной физической силой, ссылками на неисчерпаемые ресурсы или на торжество пространства? У Сталинграда не уральские домны осилили рурские, не территория от Владивостока до Волги перевесила другую территорию, от Волги до Атлантики, нет, это советский человек победил фашистского робота. В Сталинграде закончился один период истории и начался другой. Все последующее стало возможным только после Сталинграда: и Поньри, и Прохоровка, и Днепр, и наступление ленинградцев. Сталинград указал Италии ее место; он дал нашим союзникам год на подготовку военных операций. Сталинград прозвучал, как похоронный колокол над Германией, и Сталинград раскрыл миру глаза на величие Советской России. Американская газета «Крисченсайдс монитор» пишет: «Может быть, грядущая эпоха будет „русским веком“...»

Как хорошо, как справедливо, что название города, отныне священного для России, связано с именем человека, который

помог нашему народу выполнить свою историческую миссию! Эта связь настолько органична, что порой кажется, будто Сталинград заново, вторично был назван городом Сталина.

Мы знаем, что впереди еще много трудного. Нелегко перейдет Германия от императорских горностаев к залатанной коффе. Последние «четверть часа» всегда бывают тяжелыми если не для оружия, то для сердца. Но после Сталинграда ничто уже не остановит Красную Армию. Год тому назад весы истории дрогнули, и одна чаша перетянула другую.

2 февраля 1944 г.

ОНИ ОТОМСТЯТ ЗА ВСЕ

Ночью нас окружают тени мертвых. Горе тому, кто забудет! Горе тому, кто простит!

Был яркий летний день. По крутой улице Мозыря шел молодой немец. На его штыке еще кричал годовалый ребенок. Немец шел и пел. На Тракторном в Харькове женщина родила перед казнью. Немцы убили ребенка, который прожил на земле четыре часа. В Пропойске шел на казнь Моисей Исаакович Энтинсон, 97 лет от роду, и за ним шли его правнуки. Немцы сжигали, разрывали на куски детей, убивали без пуль: ударили головой о дерево. Душили в душегубках. Зарывали живьем. В Киеве, в Бабьем Яру, маленькая девочка крикнула: «Зачем вы мне сыплете песок в глаза!» Земля шевелилась. Земля кричала. В ком есть сердце, не забудьте этого крика. В ком есть сердце, не забудьте рвов и яров. Эти видения мы пронесем через всю нашу жизнь.

Пусть фашисты не ссылаются на законы войны. Они убивали беспомощных, грудных детей, стариков. Два года тому назад, в самые трудные дни, мы говорили: «Детоубийцам не жить!» Тогда захватчики смеялись. Теперь им не до смеха. Рука Немезиды уже стучится в ворота Германии. И теперь мы повторяем: «Детоубийцам не жить!»

Да будет наша ненависть едкой, как соль, и длинной, как жизнь!

Красная Армия идет на запад. Это идет суд. Они еще недавно были на Кавказе, немецкие палачи. Теперь Красная Армия у Карпат. Теперь Германия трепещет перед неминуемым возме-

здием. Кто привел Красную Армию к Пруту? Сталин и совесть народа.

Евреи были первой добычей фашистов. Евреи были прологом. Расправившись с евреями, немцы начали убивать русских и украинцев, чехов и поляков, французов и греков. Фашисты — это не просто убийцы, это народодубийцы.

Немцы думали, что народы Советского Союза в беде разбредутся. Народы Советского Союза в беде сплотились. Нет больше евреев ни в Киеве, ни в Варшаве, ни в Праге, ни в Амстердаме. Но вот в селе Благодатном тридцать евреев нашли спасение. Рискуя своей жизнью, их спас бухгалтер колхоза Павел Сергеевич Зинченко. Не чернилами — кровью лучших написана клятва дружбы. Я видел в братской могиле тела замученных немцами детей — еврейская девочка и русский мальчик. Эти дети шли на смерть, взяв друг друга за руки, маленькие дети с сердцем большим, как наша земля.

Немцы думали, что евреи — это мишень. Они увидели, что мишень стреляет. Немало мертвых немцев могли бы рассказать о том, как воюют евреи. В сторону цифры! Кровь нельзя взвесить. Дети России, граждане Советской республики, мы идем в бой рука об руку — русские и грузины, украинцы и евреи, армяне и татары. На наших устах один пропуск: Родина.

Я видел города Украины и Белоруссии. В них не было евреев. Люди показывали молча на роци, рвы, овраги. Евреи приходят с Красной Армией, бойцы и командиры. Отвоевывают родные города. Гвардии рядовой Исаак Шпеер с боем ворвался в Бердичев. Он пришел на улицу Шевченко. Здесь он родился, здесь жил... Он узнал, что его отца распяли, его мать и сестру убили на Лысой горе. Час спустя рота пошла снова в бой. Шпеер погиб, штурмуя Лысую гору: он сражался за могилу матери. Есть теперь в каждом городе, в каждом местечке Украины и Белоруссии священные могилы. К ним вернутся живые. Еще милее, еще дороже стала родная земля, окропленная кровью близких. Родина, город, где ты родился, дом, где ты вырос, ты вернешься к нему, боец! Ты вернешься к нему — после победы и после Берлина. Ты вернешься к нему, печальная беженка. Ты не перекапти-поле. Ты не залетная гостья. Нет силы, которая могла бы отлучить человека от родного гнезда. Пусть оно разорено. Пусть навеки связано с муками близких. Ты его не променяешь на все

кущи рая. Киев и Харьков, Гомель и Минск, Винница, Луцк, Ровно, Балта, Бердичев, Чернигов, Одесса... Здесь погибли твоя мать и твои дети. Здесь ты будешь жить, строить и помогать, помнить все до конца своих дней.

Это не война между двумя странами. Это поединок между разумом и тьмой, между добром и низостью. Почему на Красную Армию с упованием смотрит весь мир? Она несет жизнь, свободу. Фашисты ненавидят евреев. Но разве евреи одиноки? Фашисты — это человеконенавистники. Они ополчились на разум, на красоту.

В мусорной яме истории гитлеровцы подобрали антисемитизм. Они воскресили забытые предрассудки, осмеянные суеверия. Фашистов не переубеждают. Фашистов убивают. Советский народ выжжет фашизм. Он не потерпит на земле и эрзац-фашизма. Трупный яд опасен для всех народов. Предрассудки распространяются быстрее, нежели познания. Прививку нужно найти, изготовить, переслать, а микробы путешествуют без виз и без лицензий. Да не заразит мертвец ни единой живой души! Красная Армия несет с собой жизнь, справедливость, равенство. Это идет гроза очищения, буря возмущенной совести. В день, когда падет проклятый фашизм, сгинут, уйдут в ночь крысы, пауки и мокрицы, последователи глупой и жестокой ереси, именуемой «антисемитизмом». Судьба евреев неразрывно связана с судьбой свободы и судьбой прогресса. Антисемитизм водится только в темноте. Но вот солнце встает на востоке. И кто, слыша о победах Красной Армии, не воскликнет: «Да здравствует свет!»

Мы побеждаем не только потому, что у нас теперь больше танков и орудий. Мы побеждаем потому, что у нас правда. Она помогла нашей Родине выстоять в 1941-м. Годы и годы Гитлер топтал Европу. Кто его остановил? Кто гонит его в пропасть? Красная Армия! В этом — глубокая справедливость. Победило государство Ленина и Сталина. Победила Россия, ее идеалы, ее культура, ее душа.

Есть в России высокая человечность. Не случайно русский народ открыл новую эру. О братстве мечтали и Радищев, и декабристы, и Герцен, и Чернышевский, и большевики. Не законы царей — душа русского народа скрепила связь русских евреев с Россией. В защиту гонимых поднимались бессмертные

голоса — Толстого и Щедрина, Горького и Ленина. Родина, Россия, ее мы страстно любили и в часы ночи. Русский гуманизм для нас был путем ко всечеловеческому, большим путем большого гения. Он был и нашим путем. Я не стану перечислять имена, дорогие и для евреев и для русских, — их все знают. Мы строили общий дом. С двойной гордостью мы скажем: русский народ положил конец постыдному времени Гитлера. Как русский писатель я добавлю: как хорошо, что на русском языке раздается команда: «По немцам — огонь!»

Велико горе каждого из нас: тень палача обошла редкий дом. Мы отвечаем не пеплом на голове, не разодранными одеждами — огнем, огнем орудий, огнем кузниц, огнем сердца.

Они ответят за все, убийцы стариков и детей! Далек путь, но мы дойдем. Красная Армия дойдет. Справедливость дойдет.

Я никого не хочу призывать: время слов давно миновало. В ком есть совесть, тот знает, что ему делать. Советский народ кровью оплатил торжество справедливости — этого никто не вычеркнет из памяти человечества. История скажет, что больше себя мы возлюбили Родину и Справедливость. Живи, Советский Союз, твои народы, твои сады, твои дети, твой Сталин!

2 апреля 1944 г.

ВОЗМЕЗДИЕ

Я провел две недели в Германии, охваченной ужасом, пылающей и дымящейся. По длинным дорогам в снег или в грязь плетутся немцы и немки. Эти дороги завалены мебелью, утварью, тряпьем. Горят города. В опустевшие ратуши заходят одичавшие свиньи. Ветер треплет клочья городских знамен с орлами, со львами, с оленями. Мы могли бы сказать: каждому свой черед; но мы выше злорадства. Другое чувство нас вдохновляет: мы видим торжество справедливости. Говоря о возмездии, многие думали только о параграфах грядущего договора. Не знаю, каким будет вердикт дипломатов. Бесспорно, фашистское мракобесие найдет своих защитников — ревнителей «равновесия», равновесия между светом и тьмой. Но каким бы ни представлялся нам будущий мир, одно ясно: возмездие уже началось, Германия узнала, что такое война. И кто знает, может быть,

немцам запомнятся эти недели и месяцы войны на немецкой земле куда больше, чем все обязательства мирных трактатов?

Несколько дней шли в Эльбинге уличные бои. А когда бои кончились, я увидел достаточно живописную очередь: немцы стояли у тюремных ворот — длинный хвост. Никто их туда не гнал. Но тюрьма представлялась этим «сверхчеловекам» наиболее спокойным и даже уютным местом...

Они отчаянно сопротивляются, они стреляют из каждого дома, они выглядят непримиримыми. Но вот убит офицер или кончились боеприпасы, и «непримиримый» сразу вытягивается в струнку, козыряет нашим ездовым, даже лошадям, и начинает доказывать свою непричастность к завоеванию мира. Не только фрицы — полковник Гайнсгенк и тот меняется на глазах. Сначала он по инерции твердит: «Германия непобедима», а потом — будто завод кончился — добавляет другим голосом: «Разве я наци? Я был женат на еврейке...»

Население пытается убежать. Тысячи и тысячи повозок движутся на запад. Чего только нет на этих возах — и сундуки, и перины, и мебель, и набрюшники, и наусники, и (под сеном) несколько итальянских карабинов, ножи, выданные крайслейтерами с надписью: «Все для Германии» или «Кровь и честь»: этими ножами немцы и немки должны убивать русских. Но вот Красная Армия перерезала путь. Брошены не только кресла, а даже наусники. Валяются десятки тысяч перин (немцы накрываются перинами); и пух всех гусей от эпохи Бисмарка до наших дней застигает метелью Восточную и Западную Пруссию. Что касается немцев и немок, то, застигнутые нами, они пытаются освободиться не только от ножей, но и от своего прошлого: «Я француз... У меня неарийская кровь... Моя мать голландка... Я полуполяк-полулитовец...» Они поспешно заламывают шапки. Девушки заискивающе и блудливо смотрят на проходящих бойцов, как будто и не дочери бюргеров это, а кельнерши в ночном кабаре. Немцы знают наизусть все приказы наших комендантов; богомольно они повторяют: «Это приказ господина, русского коменданта!» Я видел много лесов, они пусты... Немцы, которые еще недавно неслись на запад и клялись убивать русских, рьяно шагают на восток и низко кланяются русским. Чем дальше мы продвигаемся на запад, тем больше встречаем немецкого населения: бежать некуда. В Западной Пруссии я

видел жителей восточных районов. Их много: сотни тысяч. Они доносят друг на друга: «Вот мясник — активный наци... герр Мюллер бил русских девушек... конюх Вилли застрелил поляка... фрау Шмидт получила благодарность от самого гаулейтера...» Все пытаются доказать свою невинность. Один принес справку: одиннадцать лет тому назад гитлеровцы продержали его месяц в тюрьме. Другой представил аттестат, подписанный вчерашним рабом — бельгийским военнопленным. Третий где-то раскопал билет социал-демократического ферейна от 1928 года. Вот немка в штанах взбирается на фасад дома, чтобы снять герб со свастикой. Никто ей не приказал этого делать, она вспотела и рада — ей кажется, что она реабилитирована перед историей. Не вздумайте только спрашивать, как она издевалась над девушкой Галей... Вот немец переводит стрелку на два часа вперед и торжественно говорит: «Сейчас ровно три часа двенадцать минут по московскому времени». Он сияет: он готов жить не только по московскому, по владивостокскому времени, лишь бы не стали его расспрашивать, как четыре француза с зари до ночи на него работали. Почтенный врач говорит: «Разве я мог быть с наци? Ведь я врач, то есть гуманист, а наци — это звери». Генеральный викарий, потирая руками, лепечет: «Католическая церковь всегда осуждала Гитлера, конечно, вслух я его осуждать не мог, но я его осуждал про себя. А вот евангелическая церковь...» Но пастор-лютеранин в свою очередь клянется: «Мы тоже осуждали богопротивный режим...» Инженер в Эльбинге рапортует: «Как человек прогресса, я против Гитлера» — и, хитро улыбаясь, добавляет: «Могу работать на русских». Рабочий твердит: «Кто меня причислит к наци? Мой отец был настоящим социал-демократом. Я сам однажды голосовал за коммунистический список. Конечно, я не мог говорить против режима, потому что это было строжайше запрещено. Но теперь я согласен выступить даже против Гитлера...»

Ни одному из них нельзя верить. Сейчас они кажутся овцами, но они были волками, ими и остались. Они выкидывают карабины и кинжалы; но кто знает, что будет через месяц? Немец не умеет бороться по собственной инициативе, он ждет приказа. Среди растерянных, испуганных толп имеются люди, которым поручена организация диверсий и путчей. Сейчас они притаились: слишком велик страх их соотечественников; нуж-

но отдышаться. А если им дадут отдышаться, если не приберут их к рукам, не просмотрят, не просветят каждого, вскоре самые покорные, те, что кричат «рот фронт» и топчут изображения фюрера, снова начнут бредить «великой Германией» и, повинувшись закамуфлированным обер-лейтенантам или ротенфюрерам, возьмутся за винтовки, за бомбы, за ножи. Ведь ни в одном из немцев я не нашел истинного раскаяния: страх и притворство.

Если можно кого-нибудь пожалеть на немецких дорогах, то только крохотных, ничего не понимающих детей, обезумевших недоенных коров да брошенных собак и кошек; только эти непричастны к злодеяниям. Честь и слава советскому человеку, который не верит в магию крови, для которого грудной младенец — это грудной младенец! Мы не воюем с детьми и старухами — мы не фашисты; и в Германию мы пришли не для того, чтобы отвести душу, а чтобы уничтожить даже память о государстве-упыре.

Немцы не раз уверяли, что они пошли воевать от нужды, что им было тесно в Германии. Теперь наши люди видят, как лгали эти разбойники: не голод их выгнал из берлоги, а жадность. Война была для них не разорением, а наживой; и когда война бушевала на Сене или на Волге, она им казалась привлекательной. Достаточно у них было и жизненного пространства, и добра. Вот дом прусского кулака. Просторные комнаты с кафельными печами, на стенах — часы, олеографии и непременно олени рога. Десяток племенных голландских коров, свиньи, гуси. Его хозяйство мало пострадало от войны: фрицы ели чужих коров и разоряли чужие хаты. Я побывал в десятках немецких городов. За месяц до прихода Красной Армии бюргеры еще упивались своей безнаказанностью. В Растенбурге какой-то немец покупал гостиницу. В Гутштадте домовладелица 42 лет, «темная шатенка, сохранившая грацию» (так гласит газетное объявление), подыскивала жениха. В Дойтш-Айлау мебельная мастерская готовила роскошный кабинет для некоего Демке. При ратушах — квартиры бургомистров, прекрасно обставленные, с портретами фюрера и зелеными бокалами для рейнвейна. Пивные и столики с флажкам «для завсегдатаев». Можно добавить, что немцы основную часть своих доходов тратили на украшение квартир, они и в мирное время не тратились на развлечение, одевались скромно, а квартиры свои заставля-

ли диванами и креслами, вазами и подушками, статуэтками, горками с посудой, различными «сувенирами». За годы войны они натащили в свои дома различные вещи, утварь, безделки из Парижа, из Роттердама, из Флоренции, из Варшавы, из Киева. Их квартиры — это комиссионные магазины, и шутя сказал один боец: «В такой берлоге жить можно». Но им всего было мало: алчность толкала их на Урал и в Ирак. На них работали рабы. В маленьком, захолустном Растенбурге не только у богатых, но и в семьях рабочих была русская прислуга — ведь ей не нужно было платить.

Немецкие батраки с уважением поглядывали на прусских помещиков; эти батраки мечтали не о поместьях юнкеров, но о наделе на Украине — ведь Эрих Кох обещал каждому пруссаку хороший кусок русской земли. Немецкие рабочие считали, что если их хозяева захватят русский марганец и французский боксит, то им, немецким рабочим, тоже перепадет кусок. Здесь, в Германии, видишь, как фашизм развратил сердца, и нелегко провести раздел между теми, кто околпачивал, и теми, кого околпачивали.

В шкапу седельщика — двенадцать немецких простынь и две украинские — «подарочек сына». Зачем ему понадобились эти две? Прочтите сентенции на стене. Здесь и «Порядок — твое богатство», и «Днем полезное дело, ночью приятный сон», и, наконец: «Лишнее никогда не помешает». Казалось, не мешают седельщику две краденые простыньки; а вышло наоборот: сына убили на Днестре, сам седельщик потерял и мастерскую, и кровать, и двенадцать немецких простынь...

Можно переставить часы, можно содрать дощечки «Гитлерштрассе», нельзя уничтожить улики, они на каждом шагу. Ведь рядом с перепуганными рабовладельцами мы повсюду видим сияющих рабов: их только что освободили. Сколько здесь французов, поляков, чехов, бельгийцев, голландцев! Сколько девушек с Украины, из Белоруссии, которые проплакали свои глаза! Чудом уцелевшие советские военнопленные. Мне рассказывал француз, военный врач: «Конечно, боши мучили и нас, но мы жили, как боги, по сравнению с русскими. Мы старались делиться с ними едой, а немцы за это отправляли нас в штрафной лагерь Грауденц, говоря: «Если вы помогаете большевикам, вы изменяете идее новой Европы». В русском лагере

свирепствовал тиф. Каждое утро вывозили трупы. Немцы кричали: «Тащите и этих!» Я сам видел, как они клали с мертвыми живых, и живые стонали, и немцы живых закапывали...» Нет, переводом часовой стрелки дело о преступлениях Германии не закончится!

Мир теперь знает, что немцы убили шесть миллионов евреев. Они убили всех евреев — от грудных младенцев до стариков. Возле Эльбинга до недавнего времени немцы держали последнюю тысячу живых евреев: длили наслаждение садистов. Здесь были пражские архитекторы, композитор из Амстердама, ковенские врачи, белградский профессор. Их ставили на табуретки голыми и обливали ледяной водой — это в мороз. Потом убили. Неужели достаточно снять дощечку с названием улицы, чтобы забылись такие злодеяния?

Они приходят и клянутся: «Мы ничего не знали. Мы не повинны...» Улики налицо. Они столь поспешно убегали, что побросали не только городские знамена, не только печати и архивы полиции, они побросали даже свои личные бумаги. Вот записки Эриха фон Бремена. Это не пылкий юноша — ему 57 лет. Ознакомившись с его автобиографией, я узнал, что он женат на Урсуле фон Рамм и что два его сына приняли участие в завоевании мира. Породистый немец при бегстве оставил две докладные записки. Одна посвящена колонизации Прибалтики, другая — освоению Кавказа. Приведу выдержку из последней: «Мы должны обладать Кавказом, ибо мы нуждаемся для оздоровления нашей экономики в нефти Грозного и Баку. Этим мы освободим себя от Америки... Хлеб Северного Кавказа обеспечит Закавказье, мы же сможем вывозить, помимо нефти, дерево, фрукты, консервы, вино и табак. Таким образом, Кавказ станет немецкой колонией». Я допускаю, что где-нибудь у Штеттина Красная Армия найдет Эриха фон Бремена; автор докладной записки о Кавказе, бесспорно, скажет: «Я против Гитлера и перевозжу часы на московское время».

Рядом с достатком мы видим повсюду одичание. В любой квартире — библиотека. Что за чудесные переплеты! Только не раскрывайте книг — «Майн кампф» людоеда, сборник, посвященный Гиммлеру, «Поход на Польшу», «Расовая гигиена», «Еврейская чума», «Русские недочеловеки», «Наша верная Пруссия»... Убожество, духовная нищета. Впрочем, видно,

книги эти мало читались; тома были обстановкой, как вазочки и фарфоровые кошечки. Напрасно я искал в Летцене, в Растенбурге или в Тациау городских библиотек: их не было. Я нашел только один музей — в Бартенштайне. Что в нем выставлено? Портреты Гинденбурга и погоны офицера царской армии с подписью: «Победа у Танненберга». Форма польского офицера и фотографии разрушенной Варшавы: «Поход на Польшу». Скелет обезьяны, не менее ста изображений Гитлера, пивная кружка эпохи Бисмарка, макет казарм и фотографии благотворительниц города. Вот весь музей. В Хайльсберге — клуб нацистской партии; это — пивнушка, стойка, где разливали пиво, и несколько кровожадных книжонок. Повсюду огромные здания полиции: здесь немцы думали, сочиняли, фантазировали и каялись. Карты мира с выцветшими бумажными флажками, еще воткнутыми в Эль-Барани и в Майкоп. Превосходное здание школы в Летцене, там я нашел песенник. Привожу цитаты из нескольких песенок для малолетних сверхчеловеков: «Падайте весело, бомбы, на Англию...», «Да брызнет под ножом еврейская кровь...», «Пусть корчатся большевики от грохота наших барабанов...», «Мы прогнали французских свиней из Страсбурга...» И огромная фотография: фюрер, а перед ним сопляк лет пяти-шести с игрушечным ружьем. Нет, в такой берлоге нельзя жить! Культура не определяется пылесосами и мясорубками. Мы видим отвратительное лицо Германии, и мы горды тем, что мы распотрошили берлогу отвратительного зверя.

Я не знаю, о чем будут говорить дипломаты за круглым, овальным или длинным столом; но я знаю, о чем говорят люди десяти стран на дорогах Германии, люди, освобожденные Красной Армией, французы и поляки, англичане и чехи, бельгийцы и сербы, голландцы и греки, американцы и австралийцы. Много часов я провел с ними в душевных беседах. Я видел словоохотливых и молчаливых, светлых и темных, суровых и смешливых, я не видел ни одного защитника немцев. Если в Париже еще имеются люди, склонные восстановить климат Мюнхена, французы, которых я встретил, говорят одно: «Пусть нас пошлют в Германию!.. И пусть Германии не будет...» Я провел вечер с англичанами. Эти люди много пережили. Хорошо бы их перенести в Лондон и показать им достопочтенного депутата,

который недавно назвал немцев «братьями». Боюсь, что они не по-братски отнеслись бы к этому сердобольному джентльмену. Люди, которые пережили немецкие лагеря, все эти офлаги и сталаги, хорошо знают, что такое Германия. Люди, освобожденные Красной Армией, хорошо знают, что такое Советская Россия. Люди из десяти различных стран на дорогах Германии жаждут не подозрительного «равновесия» между злом и добром, а торжества справедливости. Вот почему так часто слышишь в Германии на всех языках те же слова: «Смерть немцам! Да здравствует Красная Армия!»

Возмездие началось. Оно будет доведено до конца. Ничто больше не спасет разбойную Германию. Первые слова того договора, который будет назван мирным, написаны кровью России. Эти слова теперь слышит Германия. А для меня — для советского гражданина, для русского писателя, для человека, который видел Мадрид, Париж, Орел, Смоленск, для меня величайшее счастье топтать эту землю злодеев и знать: не случай, не фортуна, не речи и не статьи спасли мир от фашизма, а наш народ, наша армия, наше сердце, наш Сталин.

1 марта 1945 г.

РЫЦАРИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Я получил вчера письмо от человека, которого больше нет. На листе бумаги — след крови. Офицер Борис Антонович Курилко погиб на немецкой земле, защищая свободу и честь нашей Родины. Письмо мне переслали его товарищи, и я хочу, чтобы последние слова товарища Курилко дошли до моих читателей, как они дошли до меня. Вот что писал накануне смерти офицер Красной Армии:

«Огонь ненависти поддерживал нас в самые тяжелые дни. Теперь мы в Германии. Наша ненависть ведет нас к Берлину. Немцы думают, что мы будем делать на их земле то, что они делали на нашей. Эти палачи не могут понять величие советского воина. Мы будем суровы, но справедливы, и никогда, никогда наши люди не унижат себя...»

Гордость переполняет мое сердце, когда я держу этот лист бумаги: на нем кровь героя и на нем слова, написанные кровью, высокие, прекрасные слова. Мы побеждаем фашизм не только

на поле брани, мы побеждаем его в моральном поединке между злом и добром.

«У русских тоже есть газовые машины?» — в страхе спросил меня немец, по профессии доктор. Приниженно улыбаясь, он пояснил: «Ведь мы теперь видим, что у вас все есть...»

Я поглядел на него с презрением. Как объяснить этому дикарю с дипломом, что у нас есть танки, орудия, самолеты, но у нас есть еще то, чего нет у современных немцев, — совесть, и поэтому у нас не может быть «душегубок»?

Когда наши люди говорили на Волге: «Око за око», они не задумывались над сущностью этих слов, они просто хотели выразить свою неизбывную ненависть. Есть глаза, и есть гляделки. Есть люди, и есть людоеды. Немцы брали детей и ударяли ими о дерево. Для воина Красной Армии ребенок — это ребенок. Я видел, как русские солдаты спасали немецких детей, и мы не стыдимся этого, мы этим гордимся. От этого не слабее наша ненависть. Злодеи не найдут у нас ни снисхождения, ни отсрочки. Мы суровы и справедливы. Мы не знаем мифа «крови», придуманного припадочным немецким ефрейтором. Мы выросли в стране социализма. Мы помним, чем жил Ленин. Мы горды тем, что Сталин не только величайший полководец, но и первый воин свободы, первый рыцарь справедливости. Немцы жгли избы с людьми, привязывали к конским хвостам старух, бесчинствовали, терзали беззащитных, насиловали. Нет, мы не будем платить им той же монетой! Наша ненависть — высокое чувство, оно требует суда, а не расправы, кары, а не насилия. Воин Красной Армии — рыцарь. Он освобождает украинских девушек и французских пленных. Он освобождает поляков и сербов. Он убивает солдат Гитлера, но он не глумится над немецкими старухами. Он не палач и не насильник. На немецкой земле мы остались советскими людьми. Мы видим немок, еще вчера издевавшихся над нашими девушками. Эти немки испуганы, угодливы, блудливы. Мы говорим: пусть работают в поте лица своего. Пусть те из них, кто повинен в злодеяниях, ответят перед судом. Но советский воин не тронет женщины. Но советский воин не станет издеваться над немкой или любезничать с нею: он выше ее, он ее презирает за то, что она была женой палача, за то, что воспитала изувера. Молча пройдет мимо немецкой женщины советский воин: он пришел в Германию не

за добычей, не за бараклом, не за наложницами, он пришел в Германию за справедливостью. Он пришел не для того, чтобы разглядывать глупую и жадную куклу, а для того, чтобы укротить Германию.

Не принято цитировать себя, и все же я осмелюсь привести здесь стихи, написанные мною почти три года тому назад, в черное время, когда немецкая армия ринулась от Оскола к Воронежу:

Настанет день, скажи — неумолимо,
Когда, закончив ратные труды,
По улицам сраженного Берлина
Пройдут бойцов суровые ряды.
От злобы побежденных или лести
Своим величием ограждены,
Они ни шуткой, ни веселой песней
Не разрядят нависшей тишины.
Взглянув на эти улицы чужие,
На мишуру фасадов и оград,
Один припомнит омраченный Киев,
Другой — неукротимый Ленинград.
Нет, не забыть того, что было раньше,
И сердце скажет каждому: «Молчи!»
Опустит руки строгий барабанщик,
И меди не коснутся трубачи.
Как пусто будет в их разбойном мире!
И только прошлой кровью тяжелы,
Не перестанут каменных валькирий
Когтить кривые прусские орлы.

Мы еще не в Берлине, но скоро мы будем и там. А в занятых нами немецких городах мы видим и мишуру домов, и злобу или лезть побежденных немцев, и суровое молчание советского воина. Он ничего не забыл, этот защитник Сталинграда, солдат Ельни, Ржева и Севастополя. Он молчит потому, что он выше немцев: выше не по «крови» — оставим низким «арийцам» их низкие выдумки — выше по сознанию, по совести, по сердцу. Он молчит потому, что он презирает немцев, презирает их мишуру, их баракло, их флаги, их газеты, их женщин, их вчераш-

нюю спесь и сегодняшнюю угодливость. Он пришел сюда не как мститель, он пришел сюда как судья.

У каждого чувства есть своя форма. Есть своя форма и у ненависти. Наша ненависть — не животная злоба, не вспышка гнева, наша ненависть — зрелое чувство, оно связано с нашим сознанием, оно соответствует нашим идеям. Мы ненавидим фашизм, и мы клянемся, что не оставим камня на камне от «нового порядка». Мы ненавидим разбойничий дух Германии, и мы клянемся, что не будет больше казарм, где растили завоевателей, заводов, где изготавливали «фау» и «тигры», штабов, где разрабатывали захват мира. Мы ненавидим зло, и мы клянемся, что не уйдет от возмездия ни один немец, который убивал детей или жег мирные села. Большое чувство требует больших дел, и наша ненависть обрушится не на немецких детей, не на немецких стариков, наша ненависть обрушится на немецкое государство, на это гнездо разбоя и зла.

Слово «рыцарь», как все слова, в разные времена и в разных устах звучало по-разному. «Рыцарями» называли себя и прадеды гитлеровцев, которые терзали мирные народы. Но в нашем понятии рыцарь — это ревнитель справедливости, защитник обиженных, враг обидчиков. О лучших людях издавна говорили: «Это рыцарь без страха и упрека». Таким рыцарем XX века стала Красная Армия. Слова офицера Курилко, скрепленные его кровью, — слова всей нашей армии, и ее победа — это не только победа военного гения, это победа Человека.

14 марта 1945 г.

И. В. СТАЛИН

Выступление на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 года

Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-